

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

З. В. Удальцова

Оглянуться на путь, пройденный византиноведческой наукой в нашей стране, означает, по существу, осмыслить процесс рождения и возмужания марксистского византиноведения. Вместе с тем важно и определить его задачи на ближайшие годы. Нередко мы, византинисты, слышим вопрос: почему византиноведение заняло особое место в медиевистике, сложилось в специальную отрасль исторического знания? Подчас и мы сами задумываемся над тем, почему византиноведение получило столь широкое распространение в современном мире, почему существуют в различных странах десятки византиноведческих кафедр и институтов, издаются византиноведческие журналы и множество книг, периодически собираются международные конгрессы византинистов, привлекающие видных ученых? Думается, что столь широкий интерес к этой науке вызван многими причинами, из которых следует выделить главные. Прежде всего такой интерес обусловлен выдающейся ролью, которую сыграла Византия в средневековом мире, особенно в экономике, международной политике, культуре и искусстве раннего средневековья. Византия не была каким-либо особым историческим феноменом. В течение своей тысячелетней истории, столь длительной и вместе с тем столь краткой на общем мировом фоне, Византия прошла те же основные стадии общественного прогресса, что и многие другие страны средневековой эпохи, но здесь они приняли своеобразные формы, приобрели неповторимый колорит. И хотя Византия находилась на стыке азиатских и европейских влияний, она пошла своим собственным путем, во многом отличным от судеб Востока и Запада. Именно в этом ярком своеобразии, отличавшем Византию, быть может, и таится та притягательная сила, которая влечет к ней исследователей. Особое внимание медиевистов к византиноведению порождено и тем, что Византия стала центром поистине блестящей духовной и материальной культуры. Вплоть до XIII в. по уровню образованности, по напряженности духовной жизни и красочности материальной культуры она обгоняла все страны средневековой Европы. Мировая цивилизация обязана ей созданием неповторимого по своей эмоциональной силе и изысканности художественного стиля, оказавшего значительное влияние на развитие эстетических воззрений во многих сопредельных с империей странах.

Вопрос о «византийском культурном влиянии» весьма спорный. В византиноведении он породил полярные точки зрения — от полного отрицания воздействия византийской цивилизации на славянские и другие народы (в частности на Русь) до крайнего преувеличения его. Думается, что влияние византийской культуры на соседние страны равным образом не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Теперь общепризнано, что Византия являлась как бы центром блестящей цивилизации, откуда расходились кругами волны культурных влияний. Ареал их распространения был очень велик: Сицилия, Южная Италия, Далмация, Балканы, Кавказ и Закавказье, Крым, Древняя Русь. В тече-

ние раннего средневековья сложилась особая культурно-историческая общность стран Юго-Восточной и отчасти Восточной Европы с центром в Византии. Развитию византиноведения как особой отрасли знания способствовало и то, что для многих народов Юго-Восточной Европы, Закавказья и Ближнего Востока история Византии является как бы частью их национальной истории. Для других народов Восточной и отчасти Центральной Европы она важна, поскольку ценнейшие источники их ранней истории имеют византийское происхождение. Все это также стимулировало обособление византиноведения в специальную, притом комплексную дисциплину, включающую исследования не только историков, но и искусствоведов и филологов, археологов и лингвистов, специалистов по греческой эпиграфике и папирологии, нумизматике и сфрагистике. Большую роль при этом сыграла и общая языковая основа византиноведения — среднегреческий язык, требующий от специалистов особой лингвистической подготовки.

Для некоторых буржуазных историков Запада занятия византиноведением обусловлены привходящими политическими и конфессиональными причинами (противопоставление Востока и Запада, православия и католицизма и т. п.), что делает византиноведение ареной острой идеологической борьбы марксистско-ленинской науки, с одной стороны, и различных идеалистических течений — с другой.

В истории византиноведческой науки в СССР можно наметить два основных периода. Первый начался с Великой Октябрьской социалистической революции и продолжался до конца 30-х годов. Это было трудное время зарождения марксистского византиноведения, складывавшегося в борьбе с буржуазной наукой. Второй период охватывает время с конца 30-х — начала 40-х годов до наших дней. Он характеризуется укреплением и развитием марксистского византиноведения, распространением его влияния за пределы нашей страны. Процесс складывания марксистского византиноведения несколько затянулся по сравнению с победоносным наступлением марксизма-ленинизма в других отраслях исторической науки вследствие противоречивости и сложности того исторического наследия, которое получили советские ученые от русских буржуазных византинистов. С одной стороны, труды дореволюционных исследователей характеризовались высоким уровнем научной эрудиции, глубоким знанием источников, особым интересом к социально-экономической истории Византии, что и позволило им завоевать в свое время приоритет в буржуазной византиноведческой науке. С другой стороны, русское дореволюционное византиноведение отличали политическая реакционность, монархизм, ярко выраженная православно-конфессиональная окраска, стремление найти исторические обоснования агрессивной внешней политике царизма. В силу этого для создания марксистского византиноведения потребовалось преодолеть устойчиво бытовавшее в 20-х—30-х годах и вполне правомерное для своего времени предубеждение в отношении к консервативной школе русского византиноведения. Ведь в этот период ведущее положение в византиноведческой науке еще целиком сохраняли старые ученые, представители буржуазно-позитивистского направления¹. Кроме того, надо было преодолеть языковые и другие трудности в специальной подготовке кадров.

Процесс становления марксистского византиноведения и формирования марксистских византиноведческих кадров завершился в СССР лишь в конце 30-х — начале 40-х годов. Почетная и сложная задача создания марксистской школы византиноведения выпала на долю крупных советских историков — академиков Е. А. Косминского, В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова, профессора М. В. Левченко. Благодаря их усилиям воз-

¹ См. об этом З. В. Удельцова. Византиноведение в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934). «Византийский временник» (далее — «ВВ»). Т. XXV. 1964.

ники византиноведческие научные центры: в 1939 г. под руководством М. В. Левченко в Ленинграде была организована группа по изучению истории Византии, а в 1944 г. в Институте истории АН СССР в Москве Е. А. Косминский возглавил группу, объединявшую московских византинистов. В 1947 г. под руководством Е. А. Косминского было возобновлено издание печатного органа византиноведов — «Византийского временника» (основанного в 1894 г.)². В 1955 г. был создан сектор византиноведения в Институте истории АН СССР, координирующий научные исследования византинистов в масштабе всей страны. В 50-х же — начале 60-х годов возникли византиноведческие центры в Грузии, Армении, а также в Свердловске, Одессе, Горьком, Киеве, Калинин, Великих Луках. Значительно расширилась деятельность ленинградской группы византинистов под руководством чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской.

Для осмысления роли Византии в истории человечества советские ученые обратились к сравнительно-историческому изучению особенностей социально-экономического развития Византийской империи. Исходя из марксистско-ленинского учения о прогрессивной смене господствующих типов производственных отношений, советская историческая наука рассматривает историю Византии как историю феодального общества. Это отличает византинистику в СССР и других социалистических странах от основных направлений буржуазного византиноведения. Отрицание последним существования феодализма в Византийской империи приобретает в настоящее время политический смысл, превращаясь в один из аргументов в защиту тезиса о принципиальном различии путей исторического развития Востока и Запада³.

В центре внимания советских ученых находилось выяснение сходства и различия в развитии феодальных отношений в Византии и странах Восточной и Западной Европы, а также Ближнего Востока. С раскрытием специфики феодальных отношений в Византии особое значение приобрело всестороннее исследование проблемы перехода от рабовладельческого строя к феодализму. Поскольку длительное время эта проблема изучалась (как за рубежом, так и у нас) преимущественно на материале истории Западной Римской империи, возникла необходимость ее сравнительно-исторической разработки на материале истории Византийской империи. Крушение рабовладельческого строя и начало формирования феодализма в Византии и странах Ближнего Востока (Иране, Южной Аравии, Византии и ее провинциях — Сирии и Египте) — предмет многолетних исследований чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской, считающей периодом начала формирования феодализма в этих областях мира IV—VI века⁴. Интересные наблюдения, характеризующие кризис рабовладельческой системы в сельском хозяйстве Византии, были сделаны М. В. Левченко в исследованиях, посвященных социально-экономической истории империи V—VII веков. На основании анализа папирологических и эпиграфических источников он пришел к выводу о сохранении в Византии V—VI вв. наряду с крупным землевладением мелкой крестьянской собственности и сельской общины. В другой своей работе М. В. Левченко дал характеристику крупного церковного землевладения в Византии того времени⁵.

² Обзор «Византийского временника» см.: «Вопросы истории», 1962, № 9.

³ См. А. П. Каздан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова, Византия и Запад в современной буржуазной историографии. «Против фальсификации истории». Сборник статей. М. 1959.

⁴ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. М.-Л. 1940; е е же. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М.-Л. 1946; е е же. Византия на путях в Индию. М.-Л. 1951; е е же. Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л. 1956.

⁵ М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии в VI—VII вв. (По документам византийского Египта). «Проблемы истории докапиталистических обществ». Сборник статей. Л. 1935; е го же. Материалы для внутренней истории

Спорность и сложность проблемы потребовали от советских ученых выявления путей формирования феодальных отношений в различных областях Византийской империи. В результате появились локальные исследования, рассматривающие специфику генезиса феодализма в провинциях Византии. Разложение рабовладельческого строя и генезис феодализма в Италии в период остготского, а затем византийского завоеваний были рассмотрены в монографии З. В. Удальцовой «Италия и Византия в VI в.», где обосновывается вывод о том, что становление феодализма в Италии произошло в результате синтеза общественных отношений варваров-остготов и элементов феодального строя, развивавшихся внутри страны. Возникновение феодализма в Испании в период византийского завоевания и господства вестготов явилось предметом исследования А. Р. Корсунского. Проблема генезиса феодализма на примере Северной Африки во время вандалского, а затем византийского завоеваний рассматривалась Г. Г. Диллигенским и З. В. Удальцовой. Эти исследователи установили специфические черты развития данной провинции, состоящие в явном преобладании колоната над рабством и сравнительно быстром разложении рабовладения. Иные пути формирования феодальных отношений в Египте были выявлены И. Ф. Фихманом на основании анализа данных египетских папирусов IV—VI вв.: здесь особую роль сыграли разложение рабовладения в ремесленном производстве городов и переход к мелкому ремеслу свободных ремесленников⁶.

Вопрос о времени перехода от рабовладения к феодализму и путях развития византийского феодализма вызвал оживленные споры. На страницах журнала «Вопросы истории» в 1958—1961 гг. была проведена дискуссия, посвященная спорным вопросам социально-экономической истории Византии, значительное место в которой заняло обсуждение именно этой проблемы⁷. Участники дискуссии высказали разные точки зрения. Так, Е. Э. Липшиц, рассматривая позднееримский колонат как начальную форму феодальной зависимости, отстаивала мнение, что феодализм восторжествовал в Византии уже к началу IV в., а правление Юстиниана являлось временем раннефеодальной монархии. Эту точку зрения поддерживал и И. Ф. Фихман, сделавший вывод, что в византийском Египте IV—VI вв. шел интенсивный процесс становления феодальных отношений⁸. Другие исследователи, отвергающие эту характеристику (М. Я. Сюзюмов, А. Р. Корсунский, А. П. Каждан, З. В. Удальцова), считают, что в IV—VI вв. в Византии еще преобладали рабовладельческие отношения, хотя и начался процесс зарождения феодального строя. Они расценивают колонат как переходную форму эксплуатации, принципиально отличную от феодальной. А. Р. Кор-

Востоочно-Римской империи V—VI вв. «Византийский сборник». М.-Л. 1945; его же. Церковные имущества V—VII вв. в Востоочно-Римской империи. «ВВ». Т. II. 1949.

⁶ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М. 1959; А. Р. Корсунский. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв. «ВВ». Т. XII. 1957; его же. О развитии феодальных отношений в готской Испании в V—VII вв. Сборник «Средние века». Вып. 10. 1957; его же. Об условиях поселения вестготов в Южной Галлии и Испании. «Средние века». Вып. 25. 1964; Г. Г. Диллигенский. Северная Африка в IV—V веках. М. 1961; З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. «ВВ». Т. V. 1952; ее же. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане. «ВВ». Т. VI. 1953; И. Ф. Фихман. К характеристике корпораций византийского Египта. «ВВ». Т. XVII. 1960; его же. Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—середине VII в. М. 1965.

⁷ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1958, № 10; М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. «Вопросы истории», 1959, № 3; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1960, № 2; Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. «Вопросы истории», 1961, № 6.

⁸ Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. «ВВ». Т. XIII. 1958; И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох, стр. 251.

сунский полагает, что в поздней Римской империи еще не сложился феодальный уклад и только после ее падения, уже в VI—VII вв., были осуществлены главные задачи социальной революции, уничтожившей рабовладельческую систему; З. В. Удальцова считает, что в Византии и в VI в. еще преобладало рабовладение, хотя рабство претерпело значительную эволюцию по сравнению с классической эпохой⁹. Дискуссия о времени гибели рабовладельческой формации еще не завершена, и проблема в целом нуждается в дальнейшей углубленной разработке.

Другая кардинальная проблема аграрной истории Византии—специфика путей формирования византийского феодализма, его отличия от так называемого «классического» варианта становления феодального общества в западной части Франкского государства Меровингов и Каролингов. Тезис о борьбе в Византии двух путей формирования феодализма—городского (по типу городов-республик Италии) и общинного (по типу Меровингского государства) с преобладанием в раннем средневековье первого пути развития выдвигает М. Я. Сюзюмов. В отличие от него А. П. Каждан усматривает особенности византийского феодализма в существовании (наряду с общиной) сильной государственной власти, в наличии «государственных» крестьян и преобладании в IX—X вв. централизованной ренты. Представление о «централизованной» эксплуатации крестьянства в IX—X вв. разделяет и К. А. Осипова, подчеркивающая, что одним из «наиболее действенных рычагов» превращения свободных общинников в государственных париков в X в. был аллиленгий¹⁰ (обязанности общины выполнять государственные повинности за односельчан в случае их смерти, бегства и т. п.).

Большое значение в процессе генезиса византийского феодализма советские византилисты придают сельской общине. Изучением характера славяно-византийской общины, ее развития на разных этапах истории Византии занимался ряд ученых. А. П. Каждан указывает на изменение характера византийской общины в результате славянских вторжений, что доказывает исчезновение периодических переделов, сопровождавшееся, по его мнению, возникновением большесемейных отношений и развитием прав на чужую землю. Не отрицая того, что после славянских вторжений в византийских общинах укрепились кровнородственные связи, М. Я. Сюзюмов в отличие от А. П. Каждана полагает, что византийская община VIII в., как и позднеримская община, была корпорацией частных собственников. В фундаментальной монографии Е. Э. Липшиц находит выражение совсем иная точка зрения: византийское государство VIII—IX вв. рассматривается как раннефеодальное, где сосуществовали крупная феодальная собственность и свободная соседская крестьянская община¹¹. Несмотря на эти разногласия, изучение аграрного строя Византии привело советских исследователей к выводу, что к началу XI в. здесь уже сложились феодальные отношения. Тем самым было отвергнуто мнение некоторых зарубеж-

⁹ А. Р. Корсунский. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе. «Вопросы истории», 1964, № 5; З. В. Удальцова. Положение рабов в Византии в VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана). «ВВ». Т. XXIV. 1964.

¹⁰ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. «ВВ». Т. XVII. 1960; е го же. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. «Византийские очерки». М. 1961; А. П. Каждан. Деревня и город в Византии в IX—X вв. М. 1960; К. А. Осипова. Аллиленгий в Византии в X в. «ВВ». Т. XVI. 1960.

¹¹ См. А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. «ВВ». Т. X. 1956, стр. 53; е го же. Деревня и город в Византии IX—X вв., стр. 40 и сл.; М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по земельному закону. «ВВ». Т. X. 1956, стр. 34; е го же. Некоторые проблемы истории Византии. «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 102; Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII—половина IX в.). М. Л. 1961.

ных ученых, утверждавших, что феодализм был якобы привнесен в Византию в XIII в. с Запада крестоносцами во время четвертого крестового похода¹².

Ряд ученых занимался исследованием организации вотчины и феодальных институтов Византии (прония, экскуссия и др.). Последний период существования Византийской империи ставит перед исследователями немало сложных вопросов. Одним из них является выяснение специфических особенностей так называемого «поздневизантийского феодализма». Изучая положение византийского крестьянства в XIII—XV вв., Б. Т. Горянов проследил по актовым материалам изменения в формах феодальной зависимости крестьянства и судьбах позднефеодальной сельской общины¹³. Но некоторые историки идут дальше Б. Т. Горянова: рассматривая последний период существования Византии, они характеризуют его как время разложения феодальных отношений. Развитие товарно-денежных отношений и расслоение внутри крестьянства создали, по их мнению, предпосылки для зарождения внутри феодальной формации элементов нового, капиталистического уклада¹⁴. Анализируя работы, посвященные поздней аграрной истории Византии, нельзя не отметить попытку К. В. Хвостовой применить структурный метод для выяснения сходства и различия в аграрно-правовом строе поздней Византии и стран Западной Европы и Востока¹⁵.

Все больше внимания советская историография уделяет истории византийского города. Можно с полным основанием сказать, что в этой проблематике именно советским византийцам принадлежит ныне одно из первых мест в мире. Общественный строй византийских полисов IV—VI вв., особенности проявления кризиса рабовладельческой системы в городах, организация в них ремесла и торговли, экономические связи Византии со странами Востока (в частности с Индией и Китаем через Иран, Среднюю Азию, Аравию и Эфиопию) широко освещены в упомянутых выше трудах Н. В. Пигулевской. Органическую связь разложения муниципальной собственности и упадка курий с общим кризисом рабовладельческого строя в ранней Византии на примере истории столицы Сирии Антиохии показал Г. Л. Курбатов¹⁶. Острую дискуссию вызвало обсуждение вопроса о роли города в процессе феодализации Византии. Спор сосредоточился вокруг того, были ли византийские города классического средневековья простым продолжением рабовладельческих полисов предшествующей эпохи или же они являлись городами нового типа, выросшими на феодальной основе. Некоторые византийские придерживаются мнения, что в VII—VIII вв. античные рабовладельческие города пришли в упадок и аграризировались, в течение же IX—XI вв. они постепенно превратились в средневековые феодальные города. Так, А. П. Каждан, опираясь на археологический и нумизматический материал, приходит к заключению, что с конца VII в. наступил длившийся до конца IX в. период экономического упадка византийского города. Это явление он рассматривает как этап на пути к гибели рабовладельческого полиса и возникновению феодального города. В противовес ему М. Я. Сюсюмов выдвинул концепцию городов-эмпорий, крупных центров ремесла и торговли, сохранившихся в Византии от античного времени и продолжавших свое развитие в период феодализма. Он придерживается взгляда, что одной из основных

¹² См. А. П. Каждан. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии. «ВВ». Т. XXII. 1963.

¹³ Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М. 1962.

¹⁴ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М. 1952; З. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии в XV в. «Вопросы истории», 1953, № 7.

¹⁵ К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М. 1968.

¹⁶ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л. 1962.

особенностей исторического развития Византии было сохранение развитого товарного производства на всем протяжении существования империи¹⁷. Наиболее последовательно против теории упадка городов в Византии VII—IX вв. выступила Е. Э. Липшиц. В соответствии с разработанной ею концепцией становления феодальных отношений в Византии уже в IV—VI вв. она отстаивает мысль о гораздо более ранней социальной перестройке византийского города. По ее мнению, кризис полисной системы, крушение рабовладельческого муниципия произошли уже в III—IV вв., а в V и VI столетиях развернулся процесс становления феодального города. Точке зрения Е. Э. Липшиц до известной степени близка позиция Р. А. Наследовой, пришедшей к выводу о высоком развитии ремесла и торговли в Фессалонике в конце IX — начале X в., о сохранении этим городом значения крупного экономического центра в течение всего времени существования¹⁸. Сложной и малоизученной проблемой остается в византиноведении история города в XIII—XV вв., особенно вопрос о существовании в Византии мануфактурного производства и о зарождении в городах империи первых ростков капитализма.

В центре внимания советских ученых постоянно находится история классовой борьбы в Византии. Исследуя проблему крушения рабовладельческого строя в Восточной Римской империи, они вместе с тем занялись разработкой вопроса о характере и формах классовой борьбы в период перехода от рабовладения к феодализму. Наличие в Византии крупных городов с многочисленным торгово-ремесленным населением определило выдающуюся роль городских масс в народных выступлениях IV—VII веков. В связи с этим представляется важным определение характера движения димов и цирковых партий в ранней Византии. Исследуя это движение, ученые пришли к выводу, что оно являлось одной из форм классовой борьбы народных масс византийских городов. Однако если при этом М. Я. Сюзюмов подчеркивает участие в движении димов люмпен-пролетариата Константинополя и других крупных городов империи и утверждает, что эти выступления не имели какой-либо позитивной программы и зачастую использовались в своих целях господствующими классами Византии, то Г. Л. Курбатов, полемизируя с ним, защищает ту точку зрения, что основная движущая сила в этих выступлениях — трудовые массы городского населения. Народные движения в Антиохии IV в. и восстание Прокопия Г. Л. Курбатов считает проявлением кризиса рабовладельческой системы¹⁹.

¹⁷ А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. «Советская археология», 1954, т. 21; его же. Деревня и город в Византии в IX—X вв. М. 1960, стр. 190—346. Кроме упомянутых выше работ М. Я. Сюзюмова, см.: его же. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. «ВВ». Т. IV. 1951; его же. Роль городов-эмпориев в истории Византии. «ВВ». Т. VIII. 1956; его же. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. «Ученые записки» Уральского университета. Вып. 41 (1965); его же. Византийский город (середина VII — середина IX вв.). «ВВ». Т. XXVII. 1967.

¹⁸ Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. «ВВ». Т. VI. 1953; ее же. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. «ВВ». Т. XIII. 1957; Р. А. Наследова. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. «ВВ». Т. VIII. 1956; см. также И. В. Соколова. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв. «ВВ». Т. XV. 1959.

¹⁹ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции в V—VII вв. «Византийский сборник». 1945; М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. «ВВ». Т. I. 1947; Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.; М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века. «Ученые записки» Уральского университета. Вып. II. 1952; Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в. «ВВ». Т. VIII. 1956; его же. Восстание Прокопия (365—366 гг.). «ВВ». Т. XIV. 1958; его же. К вопросу о «хулящих бога» в восстании 387 г. в Антиохии. «Древний мир». Сборник статей. Посвящается академику В. В. Струве. М. 1962, стр. 572—578.

Объектом исследования византинистов являлись и антифеодальные крестьянские движения раннего средневековья, например, движение павликиан. По византийским, а также армянским и сирийским источникам прослежена эволюция павликианской ереси от замкнутой секты до широкого антифеодального народного движения; доказано, что павликианская ересь, которой придерживались армяне Великой Армении, имела, по существу, не только религиозно-еретическую окраску, но и была выражением народно-освободительной борьбы, направленной как против Византии, так и против Арабского халифата²⁰. На большом конкретном материале разработана история одного из наиболее массовых антифеодальных народных движений раннего средневековья — восстания Фомы Славянина. Изучение народных движений XI—XII вв. на территории империи, заселенной славянами, позволило сделать вывод, что эти движения имели не только народно-освободительный, но и антифеодальный характер²¹, что отрицалось буржуазной наукой.

Изменения в социально-экономическом строе Византии XIV в., появление первых ростков капитализма привели к эволюции классовой борьбы в поздней Византии. В это время антифеодальные крестьянские движения сливаются с восстаниями плебейских масс и торгово-ремесленного населения крупных городов. Наиболее ярко изменение характера классовой борьбы выразилось в восстании зилотов в Фессалонике (1342—1349). В 30-х годах в работах советского византиниста А. К. Бергера это восстание ошибочно оценивалось как одна из демократических революций средневековья²². Современные исследования показали, что, хотя в восстании участвовали широкие крестьянские массы Фракии и Македонии и оно носило антифеодальный характер, состав восставших был социально неоднородным. Принимавшая в нем участие торгово-ремесленная верхушка Фессалоники занимала антидемократические позиции. В связи с изменением представления ученых о документах, касающихся восстания зилотов, наши византилисты приступили к пересмотру вопроса о характере и социальной направленности этого движения²³.

Особое место в исследованиях советских византинистов всегда принадлежало проблеме русско-византийских отношений. Без изучения этого вопроса не может быть успешной разработка истории Древнерусского государства, ибо важнейшие сведения письменных источников о Древней Руси имеют византийское происхождение. Историки и археологи, занимавшиеся древней историей нашей Родины (академики Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, чл.-корр. АН СССР П. Н. Третьяков), естественно, касались и взаимоотношений Византии и Руси в раннее средневековье. Анализ византийских памятников дал возможность М. В. Левченко сделать вывод о том, что Киевская Русь в княжение Владимира

²⁰ Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. «ВВ», Т. V, 1952; К. Н. Юзбашян. К истории павликианского движения в Византии в IX в. «Вопросы истории религии и атеизма». Вып. IV, 1956; его же. Тондракитское движение в Армении и павликиане. «Известия» АН Армянской ССР. Серия общественных наук. № 9, 1956; Р. М. Бартиян. К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в. «ВВ», Т. VIII, 1956; его же. Источники для изучения павликианского движения. Ереван, 1961.

²¹ Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. «Вестник древней истории», 1939, № 1; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.

²² А. К. Бергер. Демократическая революция в Византии XIV века. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Кн. 5. М.—Л., 1930.

²³ Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии (1342—1349 гг.). «Известия» Академии наук СССР. Т. III. Серия истории и философии. 1946, № 1; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952 (гл. VIII); М. Я. Сюзюмов. Противоречия между плебейскими массами и зилотами в 1342—1348 гг. в Фессалонике. «VII Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси». Тезисы докладов. Тбилиси, 1965, стр. 33—38.

поддерживала тесные связи с придунайскими странами, где имелось русское население. Критически пересмотренные М. В. Левченко данные некоторых византийских историков (в частности Константина Порфирородного) относительно Киевского государства и его взаимоотношений с Византией выявили тенденциозность этих авторов и указали на ряд неточностей в освещении ими истории Руси. В своих работах акад. М. Н. Тихомиров на основании анализа различных источников, в том числе «хождений» русских паломников в Царьград, дал характеристику торговых путей из Москвы в Константинополь. Взаимоотношения Византии и Руси в различных сферах социально-политической и культурной жизни рассматриваются в новейших исследованиях Л. В. Черепнина, чл.-корр. АН СССР В. Л. Янина, Г. Г. Литаврина и других²⁴.

Ценный вклад внесли советские историки и палеографы в освещение запутанной проблемы происхождения славянской письменности и ее отношения с греческим письмом²⁵. На основании исследования разнообразных письменных источников («Земледельческого закона» и других), а также археологических изысканий по-новому был разработан вопрос о роли славян в судьбах Византийской империи. Прогрессивное значение колонизации славянами значительной части территории Византии не ограничивалось тем, что она способствовала разрушению рабовладельческих отношений. Влияние социального строя славян, свободной славянской общины на социально-экономическое развитие империи содействовало формированию нового, феодального общества²⁶. В течение последних десятилетий в византиноведческой науке было накоплено много новых фактов, огромный археологический, нумизматический и эпиграфический материал, обнаружены новые письменные свидетельства, введены в научный оборот забытые и малоизученные памятники. Все это позволило значительно расширить круг вопросов, касающихся византино-славянских отношений, привлечь к их изучению не только историков, но и археологов и лингвистов. Развивая лучшие традиции русской дореволюционной науки, внесшей ценный вклад в изучение истории средневекового Крыма, советские ученые рассмотрели вопрос о взаимоотношениях Византии с Крымом и византийских колоний в Крыму с Русью. В течение ряда лет велись интенсивные раскопки средневекового Херсонеса — форпоста Византии в Крыму. Получены ценные результаты: открыты жилые кварталы города, новые базилики, собран обширный материал, дающий возможность охарактеризовать некоторые отрасли ремесленного производства средневекового Херсонеса, уточнить топографию города, осветить его экономические, политические

²⁴ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956; М. Н. Тихомиров. Византия и Московская Русь. «Исторический журнал», 1945, № 1—2; его же. Пути из России в Византию в XIV—XV вв. «Византийские очерки». М. 1961; его же. Греки из Морей в средневековой России. «Средние века». Вып. 25. 1964; Л. В. Черепнин. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии. Там же; см. также В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. «Историко-археологический сборник». М. 1962; В. Л. Янин. Печати Феодано Музалон. «Археологическо-нумизматический сборник». Т. II. Киев. 1956; Г. Г. Литаврин. Песня о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. «ВВ». Т. XXVII. 1967; Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, З. В. Удальцова. Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в. «The Proceedings of the XIII-th International Congress of Byzantine Studies». London—New York—Toronto. 1967, pp. 69—91.

²⁵ М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М. 1952; Е. Э. Гранстрем. О связи Кирилловского устава с византийским унциалом. «ВВ». Т. III. 1950.

²⁶ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. «Византийский сборник». 1945; ее же. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М. 1952; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л. 1966.

и культурные связи с Русью и другими государствами²⁷. Появились новые работы, посвященные отношениям антов и склавенов с Византией и другими народами Восточной и Центральной Европы, судьбам славянского населения Македонии в IX—X вв., взаимоотношениям Болгарии и Византии в XI—XII веках. Изучение аграрного строя Болгарии этого времени позволило сделать вывод о неравномерности экономического развития Северо-Восточной и Западной Болгарии. Византийское завоевание Болгарии затормозило развитие экономики страны и вызвало затем широкое антифеодальное народно-освободительное движение²⁸.

Видное место в трудах советских историков занимает изучение международного положения Византии и взаимоотношений Византийской империи со странами Западной Европы. Исследования взаимоотношений Византии с Западом концентрировались в основном вокруг трех хронологических периодов: эпохи переселения народов; периода крестовых походов; времени наступления турок и падения Константинополя. На широком фоне борьбы греко-римского и варварского миров воссоздана яркая картина взаимного проникновения и влияния греко-римской и варварской, готской культур. На основании анализа трудов Олимпиодора и Иордана хорошо аргументирован тезис о существовании как в римском, так и в варварском обществе партий, стоявших за мирное сближение этих двух миров²⁹. По-прежнему привлекает внимание многих исследователей история крестовых походов. Четвертый крестовый поход, сыгравший столь трагическую роль в судьбах Византии, оставил значительный след и в русских источниках того времени. В этом отношении большой научный интерес представляет анализ «Древнерусской повести о взятии Царьграда фрягами» и свидетельств других русских памятников, по-новому освещающих драматические события 1204 года. По-новому рассмотрены и вопросы, связанные с выяснением роли папства в четвертом крестовом походе и изучением сложной международной обстановки того времени³⁰.

В поле зрения советских медиевистов находится также рассмотрение экономических, дипломатических и культурных связей Византии со странами Западной Европы в XI—XIV веках. При изучении экономических, политических и культурных взаимоотношений Генуи и Венеции с Византийской империей в числе других источников было подвергнуто анализу эпистолярное наследие великого итальянского поэта Петрарки; рассмотрено влияние экономических и культурных связей империи с Италией в эпоху раннего Ренессанса на возникновение латинофильского течения в Византии³¹.

²⁷ А. Д. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). М.-Л. 1950, его же. Раннесредневековый Херсонес. М.-Л. 1959; его же. Средневековый Крым. М.-Л. 1964.

²⁸ Е. Ч. Скржинская. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новцетуне. «ВВ». Т. XII. 1957; Р. А. Наследова. Македонские славяне конца IX—начала X в. по данным Иоанна Камениаты. «ВВ». Т. XI. 1956; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв.; П. О. Карышковский. Восстание Ивайла. «ВВ». Т. XIII. 1958.

²⁹ Е. Ч. Скржинская. «История» Олимпиодора. «ВВ». Т. VIII. 1956; Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. М. 1960; З. В. Удальцова. Идеино-политическая борьба в трудах византийских историков и хронистов IV—VI вв. «VII Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси», стр. 38—46; А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М. 1963.

³⁰ Н. А. Мещерский. «Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами» как источник по истории Византии. «ВВ». Т. IX. 1956; М. А. Заборов. Крестовые походы. М. 1956; его же. Папство и крестовые походы. М. 1960; его же. Введение в историографию крестовых походов. М. 1966; К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии в 1186—1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван. 1957.

³¹ Е. Ч. Скржинская. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. «ВВ». Т. I. 1947; ее же. Петрарка о генуэзцах на Леванте. «ВВ». Т. II. 1949; Н. П. Соколов. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов

Изучению взаимоотношений Армении и Грузии с Византийской империей посвящены многочисленные труды армянских и грузинских историков. В Государственном хранилище рукописей Армянской ССР — Матенадаране — имеется богатейшее собрание уникальных материалов по истории Византии и ее взаимоотношений с Арменией. Особым разделом византиноведческой науки является изучение связей Византии со странами Востока, а также общественного строя арабских государств, расположенных на границах мировых держав — Византии и Ирана в IV—VI веках. Вкладом в советское востоковедение служит публикация П. В. Ернштедтом коптских текстов Государственного музея изобразительных искусств и Государственного Эрмитажа. Весьма важна разработка вопроса о характере и последствиях турецкого завоевания Византии, совместно осуществленная туркологами и византинистами (этой теме был посвящен VII том «Византийского временника», где были опубликованы материалы о завоевании Константинополя турками и падении Византии). Изучение общественного строя тюрк-османов привело исследователей к выводу о влиянии византийских феодальных и правовых институтов на социально-экономические отношения в османской Турции XV—XVI веков. В ряде работ было показано, что «восточный колорит» византийского общества, его культуры и идеологии проявлялся гораздо сильнее и был более устойчивым, нежели это считалось ранее в историографии³².

Усилия советских ученых были направлены и на изучение духовной и материальной культуры Византии. История политических и социальных идей, развитие научной мысли, философско-религиозная борьба, рассмотрение которой помогает уяснению идеологии византийского феодального общества, — все эти вопросы входят в круг научных интересов советских византинистов. Отказавшись от некогда сложившегося представления о так называемых «темных веках» византийской культуры, от взгляда на византийскую цивилизацию как на нечто застывшее, характеризующееся нераздельным господством церковной догмы, Е. Э. Липшиц на основании анализа памятников литературы и искусства пришла к заключению, что культура Византии в раннее средневековье по сравнению с культурой стран Западной Европы носила более светский характер. Исследовательница объясняет это как сохранением элементов античной цивилизации, так и прежде всего наличием в Византийской империи крупных городов — центров светской образованности³³. Одну из важных (и также спорных) проблем истории византийской культуры составляет проблема византийского Возрождения. В советской исторической науке нет единого мнения по вопросу о социальной сущности византийского гуманизма. Одни исследователи признают наличие византийского гуманизма, определяя его как культурно-истори-

(1171—1185 гг.). «ВВ». Т. V. 1952; его же. Венецианская доля в византийском «наследстве». «ВВ». Т. VI. 1953; его же. Образование венецианской колониальной империи. Саратов. 1963. З. В. Удальцова. Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского. «ВВ». Т. II. 1949; его же. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. «ВВ». Т. III. 1950; С. К. Красавина. Дука и Сфрандзи об унии православной и католической церковью. «ВВ». Т. XXVII. 1967.

³² Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.-Л. 1964; П. В. Ернштедт. Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.-Л. 1959; его же. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.-Л. 1959; его же. Два административных коптских письма арабского времени. «Палестинский сборник» № 4 (67). 1959; А. С. Тверитинова. К вопросу о доменальном землевладении феодалов-ленников в Османской империи в XV—XVI вв. «Краткие сообщения» Института востоковедения АН СССР. Т. XXXVIII. 1960; «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». Сборник статей в честь семидесятилетия чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской. М. 1967.

³³ Е. Э. Липшиц. Очерки истории византийского общества и культуры, стр. 258—408.

ческое явление, вызванное зарождением элементов капиталистического уклада и ростом бюргерства в Византии XIV—XV вв.; гуманистическое движение они связывают с деятельностью таких византийских ученых, как Феодор Метохит, Виссарион Никейский и Георгий Гемист Плифон. Другие подчеркивают ограниченный и временный характер византийского Возрождения, которое скоро было задушено церковной реакцией. Этот спорный вопрос еще не получил окончательного разрешения.

За последние годы историками и филологами опубликовано немало переводов византийских памятников: исторические труды Прокония Кесарийского, Олимпиодора, Агафия Миринейского, патриарха Никифора, византийско-сирийские хроники, инструкция по полиоркетике, анонимная сатира «Тимарион», эпос о Дигенее Акрите, ряд систематически подобранных отрывков, рисующих славяно-византийские отношения, и другие материалы³⁴. Издана византийская сельскохозяйственная энциклопедия «Геопоники». В серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы» увидели свет ценнейшие византийские источники: «История» Феофилакта Симокатты, «Две византийские хроники X в.», «Гетика» Иордана, «Книга епарха», «Эклога», «Александра» Анны Комниной.

Постоянная борьба с фальсификацией истории Византии, Древней Руси и славянских народов была характерной чертой не только печатных трудов советских византистов — она проявлялась и на международных съездах и конгрессах³⁵. Выросли зарубежные связи советских ученых, в особенности с коллегами из социалистических стран, а также с прогрессивными историками капиталистических государств. «Византийский временник» стал международным органом марксистского византиноведения. Особое значение имеет обобщающий коллективный труд «История Византии», подводящий итоги развития советского византиноведения³⁶. Здесь впервые проводится общая марксистская концепция всего исторического развития Византии, получают теоретическое осмысление основные этапы становления, расцвета и разложения феодализма в Византийской империи, освещается своеобразие генезиса феодализма (IV—VII вв.). В разрешении спорного вопроса о времени падения рабовладельческого строя в Византии авторы труда воздержались от крайностей двух борющихся в науке мнений о «чисто» рабовладельческом или «чисто» феодальном характере византийского общества IV—VII вв.: этот период трактуется как время разложения рабовладельческой формации и начала становления феодализма. Впервые сделана попытка показать неравномерность процесса генезиса феодализма в различных областях Византийской империи. VIII—IX века характеризуются как время господства свободной крестьянской общины и отмирания пережитков рабовладения, XI—XII века — как период развития феодальных институтов и завершения в основных чертах процесса феодализации империи. Наконец, в «Истории Византии» показано, как в трудных условиях внешней агрессии XIII—XV вв. продолжался процесс развития феодализма «по восходящей линии», появлялись первые признаки разложения феодального строя и зарождения отдельных элементов предкапиталистических отношений. Характерная черта обобщающего труда советских византистов — органическое слияние социально-экономической и политиче-

³⁴ См., например, «Сведения византийских писателей о Грузии». Изд. чл.-корр. АН Груз. ССР С. Г. Каухчишвили. Тт. I—VII. Тбилиси. 1939—1967 (параллельно на греч. и груз. яз.); Иоанн Италл. Сочинения. Ред. и предисл. Н. Н. Кецакмадзе. Тбилиси. 1966 (параллельно на греч., груз. и русск. яз.); «Проконий Кесарийский». Предисл. и примеч. Р. М. Бартикяна. Ереван, 1967 (на армян. яз.).

³⁵ Советские византисты приняли участие в работе X, XI, XII и XIII международных конгрессов византистов в Стамбуле, Мюнхене, Охриде и Оксфорде.

³⁶ «История Византии». Тт. 1—3. М. 1967.

ской истории Византии с историей культуры. Большое место занимают в этой работе проблемы классовой борьбы, борьбы между различными группировками внутри господствующего класса. Значительное внимание уделено взаимоотношениям Византии с Русью, южными славянами и народами Кавказа. Делается попытка определить место Византии в системе средневековых государств Европы и Азии и выяснить значение византийской культуры в формировании культуры средневекового общества.

Конечно, в истории Византии есть еще недостаточно изученные периоды, спорные или нерешенные проблемы. Византинисты стремятся использовать новые методы исследования (структурный метод, математическую обработку статистических материалов, достижения и методы смежных наук — социальной психологии, антропологии и других), обследуют новые источники, изучение которых может изменить сложившиеся в науке концепции. Для дальнейшего расширения круга источников особое значение приобретают интенсивное изучение византийских папирусов, имеющихся в музеях и архивах СССР, использование данных греческой эпиграфики, обследование замечательного собрания византийских свинцовых печатей Государственного Эрмитажа, описание и изучение греческих рукописных сокровищ, хранящихся в Советском Союзе, привлечение сведений нумизматики, археологии, анализ произведений византийского искусства, в том числе книжной миниатюры как исторического источника, содержащего интересные бытовые реалии.

Внимание византинистов привлекает такая малоизученная проблема, как взаимоотношение города и деревни. Представляется плодотворным рассмотрение возникновения и развития городов, изменения их внутренней структуры в органической связи с общей эволюцией всех общественных отношений в империи. Только выяснение взаимного влияния социально-экономического развития города и деревни может пролить свет на такую коренную проблему, как разложение античного полиса и формирование феодального города в Византии. Важно проследить роль городов в период классического феодализма, их взаимоотношения с феодальным поместьем, влияние натурализации хозяйственной жизни Византии на эволюцию организации ремесла и торговли в городских центрах империи. Требуют выяснения вопросы о характере эволюции социально-экономического строя византийских городов в последний период существования империи, о формах ремесленного производства и зарождении мануфактур в городах XIII—XV вв., без чего невозможно определить характер общих процессов разложения феодализма и появления предкапиталистических отношений в поздней Византии. Естественно, что при изучении специфики византийского города необходимо сопоставить развитие городов в Византийской империи и в Западной Европе, на Руси, в южнославянских странах и на Востоке. Разработка проблемы взаимоотношений города и деревни в Византии поможет определить специфические черты византийского варианта феодальных отношений.

Немалое значение имеет еще не решенная наукой во всем объеме проблема локальных особенностей социально-экономического развития византийских провинций. До сих пор четко выделялись в особые территориальные комплексы, отличавшиеся значительной спецификой, лишь Египет, Сирия, византийская Африка и Италия. Ныне ставится вопрос о своеобразии феодального развития Пелопоннеса, Греции, Эпира, Македонии, Фракии, приморских и центральных районов Малой Азии, Трапезунда. Заслуживает специального исследования и вопрос о взаимодействии византийских и западноевропейских форм феодализма в период латинского владычества в Византии XIII в., тесно связанный с вопросом о специфике периода феодальной раздробленности в Визан-

тии. Решение этих проблем даст советским ученым возможность вплотную подойти к разработке типологии византийского феодализма. Изучение этой типологии в широком сравнительно-историческом аспекте с применением методов структурного анализа и использованием многообразных греческих, латинских, славянских и восточных источников приобретает особенную актуальность для византинистов, рассматривающих историю государства, находящегося на стыке между Европой и Азией. Выявление сходства и различия в социально-экономической эволюции Византии по сравнению со странами Востока, Западной и Центральной Европы, Руси и других земель — задача крайне сложная, но вместе с тем весьма перспективная.

Первостепенное научное и методологическое значение имеет дальнейшее исследование классовой борьбы в византийском обществе. Ждут, например, изучения народно-еретические движения в ранней Византии, монофиситство, арианство, манихейство, несторианство и другие. Но для этого необходимо найти новые социологические критерии и методические приемы: советских византинистов не могут удовлетворить ни применение метода «филиации идей», ни голое социологизирование. Выяснение равнодействующей совокупности различных социальных, политических и идейно-религиозных интересов во всей их жизненной многогранности — вот, на наш взгляд, ключ к пониманию сложного характера ранневизантийских ересей. Положив в основу исследования классовый анализ соотношения общественных сил, одновременно необходимо проследить сочетание, порою даже причудливое переплетение в одном и том же еретическом движении социальных столкновений и философско-религиозных расхождений, этнических противоречий и сепаратистских тенденций. Разумеется, выявить своеобразие ранневизантийских ересей можно лишь при условии их сопоставления с аналогичными еретическими движениями и религиозными учениями на Западе и Востоке. Весьма насущная, например, задача и для византинистов и для медиевистов-западников — сравнительно-историческое рассмотрение такого сложного явления, как арианство. До сих пор остаются неясными его социальная направленность, связь с демократическими течениями, причины его популярности среди многих варварских народов, эволюция арианской церкви, влияние этнических изменений, происходивших в раннесредневековой Европе, на распространение там идей арианства. Необходимо более глубокое изучение классовой борьбы в греческих государствах и в Латинской империи в XIII в., выяснение связи социальных столкновений с выступлениями народных масс против латинских завоевателей, уточнение характера народных движений в поздней Византии, оценка которых до сих пор остается спорной.

История государства и социально-политического строя Византии в теоретическом аспекте еще недостаточно изучена советским византинистами. Между тем она пользуется особенно пристальным вниманием в буржуазной византинистике, и развиваемые при этом взгляды носят нередко откровенно реакционный характер (апологетика византийского деспотизма и т. п.). При достаточной изученности внешней политики Византии в мировой историографии все же и в этой сфере остаются некоторые лакуны. Так, требуют анализа принципы и методы византийской дипломатии и их эволюция на различных этапах истории византийского государства, вклад византийской дипломатической мысли в развитие средневековой дипломатии. Предстоит еще изучить под этим углом зрения византийские хрисовулы — ярчайшие документы по истории византийской дипломатии. Остается недостаточно исследованной и проблема взаимосвязей Византии и славян. До сих пор еще нет обобщающего монографического труда, в котором рассматривались бы отношения Византии и славян, поселившихся на ее территории

в VI—X веках. Между тем разработка этой проблемы необходима для решения спорного вопроса о роли славян в процессе формирования феодализма в Византии. Важно научное переосмысление всей проблемы в целом для преодоления ошибочных националистических теорий, бытующих и поныне в греческой и американской литературе. Сложной и малоизученной остается проблема—Византия и народы Кавказа. Наиболее спорны здесь вопросы о характере византийского влияния на народы Кавказа, о роли византийского культурного наследия в формировании их цивилизации. Политически актуален вопрос об оценке последствий сельджукского завоевания для народов Кавказа, подвергающийся прямой фальсификации в буржуазной историографии.

Сфера изучения византийской идеологии до последнего времени во многом еще оставалась за пределами научных интересов советских византинистов. Между тем значение этой проблемы не следует преуменьшать. Во-первых, подлинный историзм состоит в том, чтобы дать всестороннюю картину общественной жизни. Мы не можем ограничиться характеристикой только социально-экономических отношений, если хотим понять место Византии в истории человечества, а должны рассмотреть во всей совокупности и базисные и надстроечные явления, проследить развитие в Византии общественной мысли, философии, науки, борьбу идейно-политических течений, эволюцию культуры в целом. Необходим новый подход к проблемам идеологии, их комплексное исследование как взаимосвязанных явлений общественной жизни. Во-вторых, нельзя снимать проблему византийского влияния на славян, в том числе и на Русь, которое проявлялось не столько в экономической и даже политической сфере, сколько в сфере идеологической. Разумеется, русские книжники средневековья по-своему переосмыслили византийское наследие, но никто не станет отрицать в настоящее время, что значительные элементы русской общественной мысли—как официальной, так и оппозиционной—были почерпнуты из общения с Византией. Изучение византийской идеологии существенно, таким образом, и для отечественной истории. В-третьих, одна из кардинальных задач, которую способна решить только историческая наука, вооруженная марксистским методом, состоит в том, чтобы вскрыть «земные», материальные предпосылки богословской мысли средневековья, в частности византийской теологии, показать реальные социально-экономические и политические интересы, которые стояли за тринитарными, христологическими, иконоборческими или исихастскими спорами. В-четвертых, одна из актуальнейших научно-политических проблем современности—«Запад—Восток»—связывается в зарубежной историографии с судьбами Византии, в особенности с развитием византийской общественной мысли, якобы коренным образом отличавшейся от западноевропейской. Советские ученые показали принципиальное сходство византийских общественных учреждений с западными, конечно, при известных типологических различиях; теперь надлежит показать сходство и различие в идеологической жизни Византии и Запада. Таким образом, проблема истории византийской общественной мысли важна и в научном и в политическом отношении.

В связи с этим необходима большая работа по разысканию новых рукописных материалов, по созданию ряда монографий о жизни и творчестве выдающихся византийских деятелей культуры, философов, риторов, писателей, поэтов³⁷, мыслителей, ученых, историков и т. п. (в отличие от античных писателей византийские авторы изучены очень плохо, так

³⁷ В этом плане представляют большой интерес работы: Ш. И. Нуцубидзе. Об источниках «Книги о причинах». «ВВ». Т. 20. 1961; С. Г. Каухчишвили. История византийской литературы. Тбилиси. 1963 (на груз. яз.); Н. Н. Кечакмадзе. Грамматико-логический трактат Иоанна Италла. «ВВ». Т. 27. 1967.

как их сочинения во многих случаях либо не изданы полностью, либо изданы в самое последнее время), по сравнительному изучению произведений византийских писателей. И ныне в зарубежной литературе господствует метод генетического анализа творчества византийских авторов, то есть выяснение их догматической зависимости от предшественников. В результате создавалось ошибочное представление, будто византийская общественная мысль отличалась косностью, неоригинальностью. Советские исследователи все энергичнее настаивают на применении иного — структурного — метода, рассматривающего творчество того или иного мыслителя в функциональной зависимости от времени и общественной структуры. От индивидуальных характеристик — к сопоставлению, но не ограниченному выяснению одних лишь генетических связей, а структурному — таков путь развития исследовательской логики в этой области. Определение социальной природы тех или иных направлений общественной мысли Византии требует вместе с тем исследования социальной психологии населения империи. Мы не можем относиться к общественным идеям как к продукту лишь индивидуального творчества, как к созданию гения, ведущего за собой пассивную массу; гений — лишь чуткий инструмент, оптимальным образом улавливающий настроение масс. К сожалению, разработка проблем социальной психологии византийского общества делает у нас еще только первые шаги.

Углубляя изучение византийской общественной мысли, советские историки избирают в качестве первостепенного объекта критические моменты, периоды ломки общественного сознания, когда его особенности и тенденции обнаруживаются наиболее остро и ярко. Особого внимания заслуживает проблема так называемого «византийского гуманизма» и его генетических связей с итальянским гуманизмом, решение которой предполагает анализ развития философской и общественно-политической мысли в поздней Византии в целом. До сих пор еще не написана марксистская история византийской философии и науки. Исследование эволюции научных знаний, развития естественных наук, космогонических и космографических представлений в Византии поможет разрешить спорный вопрос о масштабах сохранения античного научного наследия в средневековом византийском государстве. Видное место в трудах советских историков и искусствоведов предстоит занять освещению народной культуры Византии. Все это требует создания серии монографий по истории общественной мысли и культуры Византии, на основе которых в дальнейшем будет возможно создание обобщающего коллективного труда.

Наконец, насущную необходимость представляет дальнейшее развитие источниковедения и вспомогательных дисциплин: греческой палеографии, папирологии, кодикологии, нумизматики, сфрагистики, исторической географии, демографии и др., — в частности, создание сводного каталога всех греческих рукописей из советских собраний, сводного каталога всех византийских монет, находящихся в хранилищах СССР, драгоценных собраний византийских печатей Эрмитажа; необходимо участие в создании международного сводного каталога греческих рукописей и публикации корпуса византийских источников, подготовляемого Международной ассоциацией византинистов. Советские историки смогут успешно решить стоящие перед ними задачи лишь при условии постоянного плодотворного сотрудничества с медиевистами — западниками, востоковедами, славистами, историками СССР, кавказоведами, а также с византиноведами стран социалистического лагеря и прогрессивными учеными других зарубежных государств.